
Т.В. Гимон

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР И ПИСЬМЕННОСТЬ¹

Статья посвящена вопросу о древнейших функциях письма на Руси. Автор стремится показать, что уже в княжение Владимира Святого, вскоре после крещения, письмо стало восприниматься как престижное и сакральное средство репрезентации князя, его деяний и его благочестия. Именно этой цели служат надписи на монетах, печатях (?), грамота Владимира Десятиной церкви, а также гипотетическая «царская надпись» Владимира (по мнению автора, так может быть обозначен источник исторических заметок из «Памяти и похвалы» Иакова Мниха). Автор рассматривает этот круг текстов в сравнительно-историческом свете, а также останавливается на вопросах о копировании наследниками Владимира некоторых из его письменных практик, о функции древнейших анналистических записей и о возможных ранних функциях письма вне непосредственного княжеского окружения.

Ключевые слова: письменность, Древняя Русь, Владимир Святой, монеты, печати, летописи, грамоты, царские надписи, компаративистика

Ученые много спорили о том, что послужило первоначальным стимулом к распространению письменности в Древней Руси: принятие христианства или административно-хозяйственные потребности. Гипотеза о том, что письмо и грамотность пришли на Русь вместе с крещением, богослужebными книгами, школами, основанными Владимиром и Ярославом, является, так сказать, базовой, наиболее простой и очевидной (см., например: Истрин 2003. С. 22, 93; Живов 2017. Т. 1. С. 76 и сл.²). В то же время не раз делалась попытка связать появление письма на Руси с потребностями развивавшегося общества, такими, например, как сбор дани, внешняя торговля или развитие общинного самоуправления. Сторонники

¹ Сердечно благодарю Е.В. Литовских, Е.А. Мельникову, С.М. Михеева, А.В. Назаренко, Л.В. Столярову и А.С. Щавелева за ценные замечания и подсказки. Все ошибки и излишне смелые аналогии – мои.

² Коль скоро есть данные о христианстве на Руси до Владимира, можно предположительно говорить и о некотором распространении письма (см.: Живов 2017. Т. 1. С. 80–87).

этого взгляда придают особенное значение немногочисленным свидетельствам использования письма на Руси до 988 г., а также появлению уже в XI в. берестяных грамот, граффити и других форм «нецерковного» письма (Лихачёв 1951. С. 30–36; 1952. С. 14–24; Тихомиров 1969; Фроянов и др. 1995; Медынцева 2000. С. 252–255). Определённым компромиссом является точка зрения С. Франклина, по мнению которого, письменность «третьего разряда» (т.е. надписи на предметах, не предназначенных специально быть материалом для письма) появилась на Руси раньше письменности «первого разряда» (на пергамене, бересте или воске). Если распространение последней связано с христианизацией, то первая появлялась стихийно, уже в X в., как «результат сугубо индивидуальных, не связанных друг с другом решений» (Франклин 2010. С. 151–152, цит. с. 152).

Данный вопрос, на мой взгляд, вполне убедительно разрешен А.А. Гиппиусом (по крайней мере, при нынешнем состоянии источниковой базы). Первоначальным толчком к распространению письма послужило все-таки крещение (все данные о письменных практиках на Руси ранее 988 г. до крайности проблематичны). Как следствие введения христианства образовался, пусть поначалу и небольшой, слой грамотных людей. И эти люди, сравнительно быстро, начали использовать технологию письма не только для культовых, но и для повседневных нужд. Самые ранние из берестяных грамот (относящиеся ко времени примерно с 1030-х годов) позволяют проследить, как, вначале, письмо использовалось в повседневных целях клириками. Две древнейших берестяных грамоты (№ 591, 915и) – это азбука и иконка. В самых ранних из берестяных *писем* идет речь о вопросах, связанных с церковью (№ 246, 247), – как и в значительной части других документов XI в., хотя далеко не во всех. «Светская» письменность на Руси возникла, таким образом, как «побочный продукт» письменности церковной, и долгое время сохраняла с ней тесную связь. Кириллическое письмо воспринималось как нечто сакральное даже в XII в., когда оно, конечно, уже всю использовалось в самых разных повседневных ситуациях и далеко не только клириками (Gippius 2012, цит. р. 248; то же коротко: Гиппиус 2004. С. 187–189)³.

³ Очерк развития деловой письменности, появления новых видов и разновидностей текстов в Новгороде в XI–XIV вв. (главным образом, тоже на материале берестяных грамот) см.: Гимон 2016б.

Соглашаясь с этим, хочу отметить: целый ряд древнерусских письменных текстов нельзя в полной мере отнести ни к одному из этих двух пластов – ни к «культовому», ни к «деловому» («повседневному»). Это и летописание, и монументальные надписи (на каменных крестах и т.д.), и большинство граффити, и записи писцов на книгах, и надписи на ремесленных изделиях, и др. Какое место занимают эти тексты среди ранних опытов использования письма на Руси? И сводится ли история распространения на Руси письма после 988 г. только к двум факторам – потребностям церкви и повседневным нуждам?

В настоящей статье пойдет речь об использовании письма при Владимире Святославиче (978⁴–1015), а также – немного – при его наследниках. Я постараюсь показать, что княжеская власть и ее потребности были еще одним, третьим (или даже, скорее, вторым – перед «повседневностью») фактором в становлении древнерусской письменной культуры.

А.А. Гиппиус в нескольких работах справедливо подчеркивает, что есть целый ряд свидетельств достаточно быстрого утверждения письменных практик после крещения Руси: монеты Владимира и его наследников, Новгородская псалтырь, древнейшие печати и надписи, вероятные ранние архетипы правовых и летописных текстов⁵. В значительной мере об этом же круге текстов пойдет речь в настоящей статье, однако под другим углом зрения: я ставлю вопрос о круге ранних функций письма на Руси, отличных как от нужд церкви, так и от потребностей повседневного ведения дел.

Помимо восковой Новгородской псалтыри – яркого свидетельства появления слоя грамотных клириков на Руси уже на рубеже X–XI вв. (см., например: Живов 2017. Т. 1. С. 89–91) – и ряда кратких надписей, датировка которых неопределенна (см. ниже), реально сохранившимися памятниками письменности владимирова времени являются исключительно надписи на монетах.

⁴ Такова наиболее вероятная дата начала его правления в Киеве (Назаренко 2016. С. 618); летописная дата: 980 г. В настоящей статье, по понятным причинам, пойдет речь исключительно о периоде после крещения Руси (987 или 988 г., о дате см.: Там же. С. 618–623).

⁵ Гиппиус 2001. С. 177, примеч. 33; 2004. С. 187; 2009. С. 263, примеч. 16; Gippius 2009. P. 230–231. Ученый затрагивает эту тему в связи с двумя вопросами: во-первых, в связи с полемикой с С. Франклином относительно того, насколько 988 г. является рубежным в развитии письменной культуры (здесь точка зрения Гиппиуса представляется более обоснованной, см. выше); во-вторых, в связи с вопросом о гипотетическом древнейшем памятнике русского историописания (об этом см. ниже).

Известны золотые и серебряные монеты Владимира (11 экземпляров златников и 245 – сребреников⁶). Древнейшие типы этих монет (златники, а также сребреники типа I) копируют византийские образцы (Гайдуков, Калинин 2012. С. 413). Твердо датировать разные типы монет Владимира невозможно (естественно, все они были выпущены между 988 и 1015 гг., крещением и смертью Владимира), но предполагают, что между выпуском златников и сребреников типа I и выпуском сребреников типов II–IV мог пройти значительный перерыв (см.: Гайдуков, Калинин 2012. С. 421). На всех монетах имеются кириллические надписи, хотя и не всегда качественно исполненные. Надписи включают в себя имя князя: «Владимиръ на столѣ», «Владимиръ, а се его злато», «Владимиръ, а се его сребро». У ранних монет одна из этих надписей находится на одной стороне, а надпись «Исусъ Христосъ» (или «ИС ХС») – на другой. Соответственно, на аверсе изображен князь, а на реверсе – Христос. У поздних монет на одной стороне написано «Владимиръ на столѣ», а на другой – «А се его сребро». При этом на аверсе изображен князь, а на реверсе – княжеский знак (трезубец). На одной из монет типа IV сребреников (при тех же изображениях) выбита уникальная надпись: «Владимире сребро + съвятаго Василя» (Гайдуков, Калинин 2012. С. 413–421).

Неоднократно высказывалась мысль, что выпуск монет Владимиром был мотивирован, в первую очередь, соображениями политического престижа, а не потребностями экономики (Сотникова, Спасский 1983. С. 5–6, 9; Франклин 2010. С. 101; Гайдуков, Калинин 2012. С. 435). Возможно, чеканка монет осуществлялась спорадически, в связи с конкретными событиями или церемониями (Androshchuk 2016. P. 71). В отличие от византийских образцов монеты Владимира (особенно их поздние типы) больше сосредоточены на репрезентации князя, нежели христианских символов (Ibid. P. 58–64). Ранние монеты выражают мысль: Владимир – христианин, равный по статусу византийскому императору (Ibid. P. 59), а на некоторых из поздних (сребреники типа III) христианским символам места вообще почти не нашлось – монеты репрезентируют Владимира только как правителя (Ibid. P. 63–64).

⁶ Числа даны по: Гайдуков, Калинин 2012. С. 413, которые, в свою очередь, основываются на каталоге М.П. Сотниковой и И.Г. Спасского (2-е изд. см.: Сотникова 1995), предпочитая не учитывать плохо учтенные и зачастую подозрительные более поздние находки (Гайдуков, Калинин 2012. С. 411).

Еще одной вероятной сферой применения письма при Владимире могли быть металлические печати. Ни одной печати Владимира – в отличие от монет – до сих пор не обнаружено. Печать, атрибутированная В.Л. Яниным Изяславу – сыну Владимира, умершему при жизни отца (в 1001 г.), – по-видимому, относится к намного более позднему времени (см.: Михеев 2014. С. 52–55; 2017. С. 18, примеч. 5). Однако известны печати Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого (Янин, Гайдуков 1998. С. 13–19, № 2а–2б; Гайдуков, Янин 2007. С. 141, № 2б-2; Сотникова 2013), что может косвенно говорить о появлении печатей с надписями уже при Владимире. Более того, печати Святополка и Ярослава похожи друг на друга (Янин, Гайдуков 1998. С. 19), что делает еще более вероятным восхождение обеих к владимирову прототипу (ср. ситуацию с монетами, см. ниже). Следовательно, весьма вероятно, что существовали металлические печати Владимира⁷, в свою очередь, ориентированные на византийскую сфрагистическую традицию и, подобно монетам, репрезентировавшие фигуру князя. Однако отсутствие реально обнаруженных экземпляров наводит на мысль, что практическое значение печати в это время было невелико; по крайней мере, им придавалось меньшее значение, нежели монетам.

Об одном письменном тексте, созданном по инициативе Владимира, сообщает «Повесть временных лет» (ПВЛ). После освящения Десятинной церкви Владимир, помолившись,

...рекъ сице: «Даю церкви сеи святѣи Богородици от имѣнья моего и от градъ моихъ десятую часть». И положи написавъ клятву въ церкви сеи, рече: «Аще кто сего посудитъ, да будетъ проклятъ». И вдасть десятину Настасу Косунянину (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 124).

Итак, в представлении летописца Владимир издал грамоту («написавъ клятву»), которой подтвердил свое пожалование десятины (не забыв про санкцию – «да будет проклятъ») и которую разместил в Десятинной церкви.

⁷ Вероятно существование еще более ранних русских княжеских печатей. «Печати» и «грамоты», которые должны были предъявлять русские послы в Византии, упоминаются в договоре Игоря с Византией 945 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 48). Известна печать с плохо читаемой греческой (?) надписью и двузубцем, которую предположительно атрибутировали Святославу Игоревичу или княгине Ольге (см. историю вопроса: Михеев 2014. С. 51–52). Отмечу в связи с этим, что употребление письменных практик в сношениях с «письменными» соседями не обязательно означает использование таковых во внутренней жизни – ср. статью И.Е. Ермоловой в настоящем томе.

Я.Н. Шапов, анализируя дошедшие до нас редакции Устава Владимира, пришел к выводу, что их архетипом являлся сравнительно небольшой текст, основа которого, вероятно, действительно восходит к правлению Владимира (Шапов 1972. С. 115–127). Согласно реконструкции ученого (Там же. С. 120–121, 126), в этом древнейшем тексте говорилось о крещении Руси и строительстве Десятинной церкви, о даровании десятины, об отказе князя (от своего имени и от имени потомков) в пользу церкви от суда по ряду категорий дел. Самый ранний пласт текста этого архетипа, по мнению Шапова, – это та самая грамота, которую Владимир, согласно ПВЛ, выдал Десятинной церкви (Там же. С. 126–127). Ученый считает, что первоначальных актов было два: Десятинной церкви – о даровании десятины (в связи с освящением храма в 995–996 гг.⁸) и всем епископским кафедрам – о праве церковного суда (вероятно, позже, но до 1011 г., когда умерла княгиня Анна, совет Владимира с которой упомянут в тексте). Архетип Устава Владимира возник «на основе» этих двух актов и окончательно сложился уже в XII в. (Там же. С. 127).

Вывод Я.Н. Шапова о том, что древнейшим пластом устава Владимира была грамота, упоминаемая в ПВЛ под 996 г., представляется убедительным. Не знаю, обязательно ли разделять эту грамоту и документ Владимира о церковных судах (если таковой был): статья 6504 (996) г. ПВЛ содержит общую характеристику правления Владимира, к тому же данную, вероятно, ретроспективно, не без использования устной традиции (ср.: Гимон 2016а. С. 767–768). Поэтому летопись могла зафиксировать под этим годом акт Владимира, в действительности имевший место позже, равно как и не обязательно должна была перечислить *все* его постановления.

Как бы то ни было, в совокупности известие ПВЛ и приведенные Я.Н. Шаповым соображения в пользу древности архетипа Устава Владимира говорят о том, что этим князем был издан в пользу церкви *письменный документ* (возможно, не один). Документ жаловал церкви доходы (и права?), содержал санкцию и был размещен в самой Десятинной церкви как важная реликвия. Летописное сообщение оставляет впечатление устного, публично оглашенного пожалования, которое, однако, для большей убедительности было еще и облечено в письменную форму: «рекъ сице... И положи написавъ клятву». При этом память об этом пожаловании (именно

⁸ Летописная дата: 996 г., однако 995 г. вполне вероятен (см.: Гимон 2019. С. 79).

как о торжественном акте и одновременно о написании грамоты и ее положении в соборе) дошла до летописца. Когда бы ни работал этот летописец⁹, ясно, что он воспринимал данный акт как нечто общезначимое, достойное занесения в летопись.

Теперь поговорим о самой летописи, точнее, о наиболее ранних формах историописания, которые ученые иногда датируют (разумеется, гипотетически) временем Владимира. Большинство исследователей раннего летописания сходятся на том, что у его истоков стоял сравнительно пространный текст, еще не разбитый на погодные статьи (Древнейший свод, «ядро», Древнейшее сказание – см. обзор историографии: Гимон 2016а. С. 761–768). Чаще этот текст датируют временем Ярослава или Ярославичей, но не раз высказывалась мысль о его создании вскоре после строительства Десятинной церкви, т.е. на рубеже X–XI вв. Впервые такую идею высказал Л.В. Черепнин, основывавшийся на том, что ПВЛ подробно рассказывает о правлении Владимира вплоть до строительства Десятинной церкви, тогда как последние 20 лет его пребывания у власти почти не заполнены событиями. Поскольку аналогичная картина присутствует в кратких заметках о Владимире из «Памяти и похвалы князю Владимиру» Иакова Мниха (далее: ПП; текст этих заметок я воспроизвожу в приложении к настоящей статье), их общий источник должен был доходить только до освящения Десятинной церкви (Черепнин 1948а. С. 332–333).

В том, что общий источник ПВЛ и ПП доходил до освящения Десятинной церкви и был составлен вскоре после этого события, я тоже не сомневаюсь. С одной стороны, ПП и ПВЛ явно не независимы друг от друга. С другой – в ПП имеется ряд уникальных сведений и, что даже более важно, отличные от ПВЛ и, как оказывается, исторически достоверные хронологические указания (Назаренко 2016. С. 616–626; см. также: Гимон 2019. С. 79–80)¹⁰. Однако обязательно ли этот общий источник ПВЛ и ПП был Древнейшим сказанием – пространным памятником историописания, созданным

⁹ В реконструкции А.А. Шахматова этот фрагмент принадлежит Древнейшему своду 1030-х гг. (Шахматов 2002. С. 387). В реконструкции С.М. Михеева он отнесен к дополнениям Никона 1070-х гг. (Михеев 2011. С. 111, 236), которому исследователь атрибутирует все фрагменты, касающиеся Десятинной церкви. Не вдаваясь здесь в тонкости столь зыбкой материи, как стратификация ПВЛ, отмечу, что в любом случае запись этого известия была произведена спустя 50–70 лет после самого акта дарования десятины (о дате Древнейшего сказания см. ниже).

¹⁰ Критику мнения В.Ю. Аристов (2016. С. 69–82) о вторичности ПП по отношению к ПВЛ см.: Гимон 2019. С. 75–76.

в столь раннее время? Серьезный аргумент в пользу датировки Древнейшего сказания рубежом X–XI вв. предложил А.А. Гиппиус (2001; 2009), который указал на некоторые лингвистические характеристики, разделяющие текст до и после статьи 996 г. Этот рубеж может разграничивать работу двух авторов, но, строго говоря, не дает прямого основания для датировки первой части рубежом X–XI вв. Древнейшее сказание могло быть написано и позже, и более поздняя датировка предпочтительнее хотя бы из соображений научной осторожности. В других государствах на северной и восточной периферии Европы первые пространные исторические нарративы появлялись спустя значительное время после христианизации (см. обзор: Гимон 2016а. С. 781–784). Недавно А.С. Щавелёв выдвинул ряд соображений в пользу датировки Древнейшего сказания последними годами правления Ярослава¹¹.

Высказывалась также гипотеза о прижизненной биографии (энкомии) Владимира. А.В. Назаренко обратил внимание на очень любопытное совпадение в характеристике Владимира в хронике Титмара Мезебургского (ум. 1018) и ПВЛ: в связи с женолюбием Владимира оба источника говорят о «препоясывании чресел» и «горящем светильнике» (Назаренко 1993. С. 136, 141; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 81). И, хотя эти образы помещены в двух источниках в разный контекст, само по себе данное совпадение вряд ли может быть случайным: скорее, речь должна идти об общем источнике. Если первоначально Назаренко предполагал здесь «отзвуки древнего устного предания об обращении Владимира» (Назаренко 1993. С. 176–177, примеч. 68), то позднее ученый обосновал гипотезу о том, что Титмар был знаком (вероятно, через посредство устной передачи) с древнейшим агиографическим сочинением о Владимире, существовавшим, следовательно, уже в 1015–1017 гг. (Назаренко 2001. С. 435–450; 2000). Н.И. Милютенко, отталкиваясь от данного наблюдения Назаренко и добавляя к нему свои соображения, реконструирует прижизненную биографию Владимира, которая и была, по мнению исследовательницы, общим источником ПВЛ и ПП (Милютенко 2008. С. 51–80, 93–103).

Рассуждение А.В. Назаренко очень убедительно. Однако реконструируемый им ранний житийный текст о Владимире вряд ли мог быть тождествен как общему источнику ПП и ПВЛ, так и вообще

¹¹ Ссылаюсь на устный доклад А.С. Щавелёва на заседании центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН 15 октября 2018 г.

древнейшему ядру повествования ПВЛ о Владимире. Сам Назаренко пишет о том, что в ПП, с одной стороны, и в этом реконструируемом агиографическом памятнике, с другой, отразились разные взгляды на Владимира. ПП (подобно Илариону и Нестору-агиографу) считает славным всё правление Владимира, в том числе и период до крещения. Наоборот, предполагаемый Назаренко житийный текст, судя по всему, подчеркивал полное нравственное преображение Владимира в результате крещения: из блудника и женолюбца он превратился в подателя щедрой милостыни (Назаренко 2001. С. 437, ср. с. 448). В ПВЛ нашли отражение оба взгляда, но ПВЛ – сравнительно поздний и, главное, сложносоставный текст. Считать, что оба взгляда сосуществовали уже в каком-то очень раннем памятнике, написанном чуть ли не при жизни Владимира, было бы явной натяжкой. И наоборот: было бы естественным разнести эти два текста во времени: если общий источник ПВЛ и ПП, как уже говорилось, должен был быть составлен вскоре после освящения Десятинной церкви, то наиболее вероятным временем создания *агиографического* текста следует признать время после смерти Владимира (15 июля 1015 г.), но до смерти Титмара (1 декабря 1018 г.)¹². Десятинная церковь, разумеется, могла быть местом создания обоих – но мотивы создания и конкретные авторы, скорее всего, были совершенно разными¹³. Кроме того, как я уже писал (Гимон 2019. С. 83–84), гипотеза Н.И. Милютенко о прижизненной биографии Владимира как об источнике летописных статей о нём сомнительна хотя бы потому, что, вопреки автору, неясно, чем рассказ ПВЛ о Владимире принципиально отличается – как в плане стиля, так и в плане исторической точности – от рассказов, скажем, о Святославе: и там и там есть явно легендарные сюжеты,

¹² А.В. Назаренко пишет так: «уже в самые первые годы после кончины Владимира... в Киеве существовала так или иначе литературно оформленная традиция о его крещении, которая сложилась, возможно, еще при жизни князя...» (2001. С. 440). По-моему, коль скоро Титмару его мотивы этого текста стали известны *после* смерти Владимира, а сам этот текст носит отчетливо агиографический характер, наиболее вероятно его составление уже после 1015 г.

¹³ В отличие от А.В. Назаренко, я бы не стал называть взгляд, согласно которому Владимир полностью преобразился в результате крещения (подобно ап. Павлу) «более архаичным», а взгляд на Владимира как на изначально хорошего правителя (подобно Константину) – «более продвинутым» (Там же. С. 448). Тут именно разные подходы: в одном случае, сугубо церковный (вульгарно рассуждая, я бы предположил здесь автора-грека), в другом – «общейсторический» или «политический», при котором крещение – важное событие, но не менее важно прославление правителя и его предков (ср. об отношении к языческому прошлому в историописании: Гимон 2018б).

но при этом и там и там многое подтверждается византийскими источниками.

Исторические заметки о Владимире, входящие в состав ПП, – это очень краткий текст. Поэтому, соглашаясь с тем, что у ПП и ПВЛ должен был быть письменный источник, созданный при жизни Владимира, я отнюдь не считаю, что этот источник должен был быть развернутым историческим либо биографическим нарративом. Достаточно гипотезы о *кратком* тексте, не сильно превышавшем по объему дошедшие до нас в составе ПП исторические заметки. Некоторые ученые уже писали о том, что источник исторических заметок ПП мог быть не чем иным, как подобной же серией *кратких* заметок (Бахрушин 1987. С. 18–19; Łowmiański 1948. S. 284; Насонов 1969. С. 31; Poppe 1976. P. 210; ср.: Михеев 2011. С. 56–57). Преимущество такой гипотезы – в ее экономности. Ведь речь идет, напомню, о времени Владимира, т.е. об эпохе, когда письмо и грамотность на Руси только-только начали распространяться.

В другой работе я постарался обосновать мысль, что общий источник ПП и ПВЛ – это краткий текст, излагавший историю прихода Владимира к власти, перечислявший его победоносные походы до крещения, сообщавший о крещении и ряде событий после него (датируя их годами «по крещении»), последним из которых было дарование Десятинной церкви десятины (Гимон 2019; см. также текст заметок ПП в приложении).

Я условно обозначил жанр этого текста как *царскую надпись*, имея в виду жанр царской надписи как он известен на Древнем Востоке: надпись об одном или ряде деяний правителя – о победоносных походах, строительстве и т.д. При этом я не имел в виду материал: «надпись» Владимира не обязательно была выбита на камне – это вполне мог быть текст, вписанный, скажем, на чистом листе напрестольного Евангелия, принадлежавшего Десятинной церкви. Здесь мне хотелось бы несколько развить эти соображения.

Царская надпись – вид архаичных текстов, встречающийся у многих народов и зачастую представляющий собой одно из самых ранних (если не древнейшее засвидетельствованное) применение письменности. У шумеров письмо выросло, как известно, из административно-хозяйственных потребностей. Однако, как только оно стало настолько совершенным, что смогло передавать полностью звучание языка (а не только понятия, имена и числа), появилась царская надпись. Вначале эти тексты сообщали о каком-то одном деянии правителя (военной победе, строительстве храма,

рытье канала, изготовлении конкретного предмета, посвященного божеству, и т.д.). Примерно с середины III тыс. до н.э. царские надписи начинают перечислять разные достижения конкретного царя (см.: Cooper 1986; Michalowski 2011. P. 6–14). В государстве Урарту, где письменность, очевидно, была (как и на Руси) заимствованием, первым ее засвидетельствованным применением стали надписи о деяниях царей (древнейшие сообщают об отдельных деяниях, а со временем появляются развернутые обзоры военных побед и прочих достижений: Арутюнян 2001). Очень важны царские надписи в доколумбовой Мезоамерике, где целью их создания «являлось запечатление истории как реализации деяний царей и царских династий, что обеспечивало благополучное настоящее и существование будущего» (Беляев 2016. С. 210); при этом древнейшие письменные памятники региона – это как раз вырезанные на камне сообщения о деяниях и воцарениях правителей, на которых изображение постепенно начинает дополняться иероглифами (Там же. С. 212–234). Ряд можно продолжать¹⁴.

Есть и более близкие аналогии – территориально, хронологически и культурно. От Первого Болгарского царства до нас дошел целый ряд надписей VIII–IX вв. на греческом языке, сообщающих о военных победах и строительных предприятиях болгарских ханов (Бешевлиев 1992. С. 33, 39, 97–152, 206–226, № 1–15, 55–58; рус. пер. ряда надписей см.: Польшванн 2018. С. 327–329).

В Скандинавии уже в VI–VII вв. известна группа камней с руническими надписями (из Блекинге, юго-западная Швеция), которые сообщают о деяниях вождей (?): возведении ими данных памятников, а также обеспечении урожайных лет при помощи жертвоприношений (Мельникова 2006. С. 190–193). Впоследствии традиция возведения камней с руническими надписями получила в Скандинавии весьма бурное развитие, но преобладающими здесь стали памятники, поставленные в память об умершем, часто, впрочем, сообщавшие о деяниях умершего, изредка – того, кто поставил памятник (см.: Мельникова 2001. С. 15–21)¹⁵.

¹⁴ См. также: Беляев, Гимон 2016. С. 12–13. Прецедент сопоставления древнерусского памятника («автобиографии» Владимира Мономаха – перечня его военных и охотничьих деяний в составе «Поучения») с древними текстами подобного рода см.: Иванов 2004.

¹⁵ Со скандинавскими мемориальными камнями сопоставлялся другой ранний древнерусский памятник – Воймерцкий крест (Рождественская 2011. С. 386, 390; Михеев 2012. С. 23), который, возможно, отражает прямое скандинавское влияние. Согласно С.М. Михееву (2012) крест датируется первой половиной XI в.

Интересно, что и в Скандинавии, и в Первом Болгарском царстве имеются надписи о крещении. Руническая надпись из Еллинга (Дания) № 2, поставленная конунгом Харальдом (ок. 958–985) в память о своих отце и матери, сообщает, что Харальд подчинил себе целиком Данию и Норвегию, а также крестил данов. Рунический камень XI в. из Фрёсё (Frösö, Емтланд, Северная Швеция, ранее – Норвегия) сообщает, что некий «Человек с востока» (*Austmaðr*), т.е., вероятно, из Средней Швеции, велел воздвигнуть этот камень и построить этот мост, а также крестил Емтланд. Крещение упоминает еще один рунический памятник: камень из Кули (Kulí, Норвегия, вероятно, 1030-е годы), после обычной мемориальной формулы он сообщает, что христианству в Норвегии – уже «двенадцать зим» (см.: Gräslund, Lager 2008. P. 69; Barnes 2012. P. 71–75). Как минимум первые две из этих трех надписей представляют некоторую аналогию реконструируемой мной «надписи Владимира», сообщая о крещении в ряду других деяний правителя. Сделанная по-гречески надпись из Бельша (Балши, ныне Албания) сообщает о крещении болгарского царя Бориса вместе с народом в 865/66 г. (Бешевлиев 1992. С. 151–152, № 15).

Однако и в Скандинавии, и в Первом Болгарском царстве традиция создавать подобные надписи возникла задолго до принятия христианства. Для Руси сведений о дохристианских «царских надписях» у нас нет. Скорее, это была новация Владимира. Получив в свои руки такой новый инструмент, как письмо, он (или кто-то в его окружении) посчитал нужным не только начать чеканить монеты с надписями и выдать Десятинной церкви грамоту о десятине, но и создать текст, перечисляющий славные деяния князя.

Если образцом для златников и сребреников послужили византийские монеты, а для грамоты о десятине – вполне возможно, византийские жалованные грамоты (а подсказать идею, естественно, могли сами клирики-греки¹⁶), то идея «царской надписи» могла быть подсказана скандинавской, или болгарской, или какой-то еще аналогичной практикой. Проверить это невозможно, но даже если идея возникла совершенно независимо или опиралась на какие-то византийские образцы, типологически «царская

¹⁶ Ср. гипотезу П. Шапле о том, что уже первый церковный иерарх в Англии, св. Августин Кентерберийский, на рубеже VI–VII вв. предложил королю Кента издавать жалованные грамоты в пользу церкви (Chaplais 1973). Сама десятина находит себе параллели не в Византии, а у западных славян и в Скандинавии (Живов 2000. С. 595–596).

надпись» Владимира (если она и впрямь была), находит себе яркие параллели в указанных странах.

Таким образом, Владимир использовал письменность как средство демонстрации своего величия и благочестия как правителя, как способ зафиксировать его выдающиеся деяния и пожалования. Этой цели служили и надписи на монетах, и грамота Десятинной церкви, и (если она была) «царская надпись». Такова, на мой взгляд, одна из древнейших функций кириллического письма в древнерусском обществе – вероятно, вторая по древности после собственно литургической. И эта вторая функция дает о себе знать сразу после первой – вскоре после освящения Десятинной церкви (995 или 996 г.), а в случае с монетами, может быть, даже раньше.

Естественный вопрос, который здесь может возникнуть: кто мог быть адресатом этой «пропаганды»? Существовал ли уже в правление Владимира круг грамотных людей, которые были в состоянии читать эти тексты и таким образом убедиться в величии Владимира? Конечно, такой круг был крайне узок. Об этом говорит, помимо общих соображений, тот факт, что даже некоторые из резчиков штемпелей монет Владимира явно не понимали смысла вырезаемой ими надписи (Гайдуков, Калинин 2012. С. 415, 417).

Однако ряд исторических примеров показывает, что для ранних царских надписей отнюдь не обязательно наличие широкой аудитории. Древнейшие царские надписи Урарту выполнены на ассирийском диалекте аккадского языка, и только впоследствии цари перешли на урартский, для которого была приспособлена клинопись (Арутюнян 2001. С. 9). Надписи (эпитафии) каганов Первого Тюркского каганата выполнены по-согдийски, и лишь во Втором Тюркском каганате для этой цели стали использоваться тюркские руны и тюркский язык¹⁷. Большинство надписей Первого Болгарского царства сделаны по-гречески. У надписей на иностранном языке (зачастую на языке могущественного соседа и даже врага) вряд ли могла быть значительная местная аудитория. С другой стороны, многие надписи расположены так, что их чтение было затруднительным, если вообще возможным (см., например, о болгарских надписях: Иванов 2009. С. 15).

Кому бы ни были адресованы тексты (современникам? потомкам? богам?), принципиален сам факт, повторяющийся у многих

¹⁷ См. статью В.В. Тишина в этом томе.

народов: правители, познакомившись с искусством письма, считают необходимым заказывать надписи о своих деяниях и, шире, воспринимают письмо (пусть даже и на иностранном языке) как достойное средство демонстрации их величия и заслуг.

Именно это, как я думаю, и определяло взаимоотношения Владимира с письменностью. Владимир (и/или его окружение) воспринимали письмо как новый, престижный, сакральный атрибут князя – могущественного и, теперь уже, крещенного. Наверное, письменность стояла в восприятии Владимира где-то в одном ряду с чеканкой монеты, строительством церквей и тому подобными действиями, посредством которых он демонстрировал свое величие, благочестие и равенство с другими христианскими правителями¹⁸. В последнем – отличие ситуации на Руси от скандинавской или болгарской: схожее применение письма начинает практиковаться здесь уже после крещения, и, вероятно, письмо как таковое ассоциируется именно с христианством¹⁹.

* * *

Два примера говорят о том, что письменные практики Владимира копировались его наследниками. Один пример бесспорный. Монетный чекан был продолжен Святополком Окаянным и Ярославом Мудрым. К владимировым образцам восходят надписи как ранних монет Святополка, так и всех монет Ярослава: «Святополкъ на столъ / А се его сребро», «ОГЕОРГЮ / Ярославле сребро» (см.: Гайдуков, Калинин 2012. С. 421–431). Как уже говорилось выше, вполне вероятно, что, подобно монетам, к владимирову прототипу восходят и печати Святополка и Ярослава.

Второй пример менее очевиден, но, по-моему, тоже ярок. Подобно тому, как ПВЛ сообщает о грамоте Владимира в пользу

¹⁸ Ср. стадиально отличную, но типологически в чем-то схожую картину возникновения рунического письма у германцев в начале нашей эры: «Материальные и духовные знаки приобщенности к римской культуре выделяли вождей и военную знать. При этом... письмо было абсолютно чуждо германским обществам и потому оно должно было обладать особой привлекательностью как высоко престижный маркер римской цивилизации. Практическая нужда в нём отсутствовала, но создание собственного письма отвечало потребностям элиты в маркировании своего статуса (ср. такие “престижные” знаки, как “большие дома”, отдельные некрополи, погребальная обрядность, ритуалы, украшения и др.)» (Мельникова 2016. С. 183). Ср. также в статьях В.В. Тишина и А.П. Гаврилова в настоящем томе.

¹⁹ Ср. замечание А.А. Гиппиуса о различиях в восприятии кириллического письма на Руси и рунического – в Скандинавии (Gippius 2012. P. 250).

Десятинной церкви, новгородская традиция упорно приписывает Ярославу Мудрому издание грамоты (или грамот) в пользу Новгорода. Вопрос о «Ярославлих грамотах» – дискуссионный (см. историографический очерк: Петров 2003. С. 71–87). Несомненно, традиция о «Ярославлих грамотах» фиксируется в начале XIII в. (когда князья присягают на этих «грамотах»²⁰). На мой взгляд, вероятно, что древнейшие сообщения о «грамоте», выданной Ярославом новгородцам восходят к текстам конца XI в. (см.: Гимон 2012. С. 687–691; 2018а. С. 161–165). Часть исследователей, в соответствии со статьей 1016 г. Новгородской I летописи младшего извода, видит в «Ярославлей грамоте» Древнейшую Правду, что кажется и мне довольно вероятным. По крайней мере, многое в самом этом тексте хорошо согласуется с летописной версией о выдаче этого документа новгородцам в 1016 г. (см.: Черепнин 1948б. С. 242–249; Зимин 1999. С. 89–98; Гринёв 1989. С. 34–41; Никольский 2008).

В любом случае «Ярославова грамота» (что бы она собой не представляла) составляет яркую параллель к грамоте Владимира о десятине. Как в случае с грамотой о десятине, так и в случае с «грамотой Ярослава» (а также с Древнейшей Правдой – вне зависимости от того, тождественна ли она «грамоте Ярослава» или нет) довольно очевидно, что письменная фиксация княжеского постановления не диктовалась практическими потребностями. Трудно представить себе, что в конце X или начале XI в. при возникновении спорных вопросов или на суде «юристы» обращались к письменным записям княжеских постановлений для выяснения того, какое решение следует принять; или что записанный текст юридически считался более значимым, чем изустный (ср.: Франклин 2010. С. 275–276). Маловероятно, чтобы эти документы тиражировались для широкого употребления. Наверняка и решение князя о передаче церкви десятой части доходов, и нормы, вошедшие в Древнейшую Правду, и любые другие княжеские постановления общего характера транслировались изустно, составляли часть, так сказать, общедоступного знания. Письменная запись, следовательно, носила, скорее, символический характер. Князь запечатлевал свое постановление в престижной, сакральной и долговечной форме – на письме. Но именно этот акт запечатления на письме сохранила историческая

²⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 67–68, 70, 350 (под 1228, 1229, 1230 и 1339 гг.).

память – как в случае с грамотой Десятинной церкви, так и в случае с новгородской «Ярославовой грамотой».

* * *

Между 997 и 1014 гг. в ПВЛ нет ничего, кроме «пустых годов» и нескольких очень кратких сообщений о смертях ближайших родственников Владимира (а также не очень ясного: «Пренесени святии в святую Богородицу»: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 129–130). Относительно происхождения этих записей высказывались разные соображения, однако к настоящему времени более или менее утвердился консенсус, что перед нами – остаток древнейших анналистических записей, делавшихся при Десятинной церкви (см. обзор: Гимон 2016а. С. 770–772). О том, что ведение анналов продолжилось после смерти Владимира, красноречиво говорит тот факт, что точность целого ряда годовых дат ПВЛ за первую половину XI в. подтверждается зарубежными источниками (Назаренко 2016. С. 603–614, 633–638, 641–644). Мною была высказана гипотеза, что эти ранние анналы – не что иное, как продолжение «царской надписи» Владимира, о которой шла речь выше: ведь анналы (записи о смертях с 1000 г.) начинаются практически там же, где заканчивается «надпись Владимира» (доведена до 994 или 995 г.) (Гимон 2019. С. 84–85).

При жизни Владимира, в отличие от более позднего времени, в анналах фиксировались почти только смерти членов правящего рода. В христианских странах, конечно, запись о смерти может быть связана с церковным поминанием (ср., например, известные уже с середины XI в. древнерусские поминальные граффити). Однако идея записи о смерти могла возникнуть и вне литургического контекста. К первой половине XI в., вероятно, относится поминальный Воймерицкий крест, который, в свою очередь, находит себе яркую аналогию во множестве скандинавских мемориальных рунических камней²¹. Но наиболее любопытной параллелью, как мне кажется, является здесь серия болгарских поминальных надписей, в каждой из которых хан Омуртаг (ок. 815–831) как бы объявляет о кончине кого-либо из своих приближенных (Бешевлиев 1992. С. 38, 227–238, № 59–68; рус. пер. двух из них см.: Польшванный 2018. С. 328). Эти надписи имеют единый формуляр и явно отражают устойчивую практику письменной фиксации

²¹ См. выше, примеч. 15.

кончин; еще одна схожая надпись сделана от имени следующего хана, Маламира (831–836. – Бешевлиев 1992. С. 238–240, № 69). Подобная практика – в сочетании с уже упоминавшимися надписями о военных и строительных деяниях ханов – составляет выразительную аналогию гипотетическому тексту о деяниях Владимира и его «некрологическому» продолжению.

* * *

У нас практически нет данных о письменных практиках эпохи Владимира, не связанных ни с церковной сферой, ни с фигурой князя. А.А. Медынцева предположительно относит ко времени Владимира надпись «Илия» на корчаге из Белгорода и надпись «слав...» на обломке меча из-под Киева (Медынцева 2000. С. 33–36, 93–95, 262). В обоих случаях датировка нестрогая. Однако интересно, что обе надписи содержат только имена. Имя владельца (или, в случае с мечом, изготовителя), написанное на вещи, – тоже одно из самых ранних и едва ли не повсеместно встречаемых применений письма. Например, среди наиболее ранних германских рунических надписей (II–IV вв. н.э.) большинство (29 из примерно 50) содержит только личные имена, что явно имело какое-то символическое значение (Мельникова 2016. С. 181, 184). Подобные надписи, как кажется, составляют некоторую «низовую» параллель к использованию письма правителем: люди рангом пониже, делая (или заказывая) такие надписи, не только фиксируют свои права на вещь, но и приобщаются к той же самой престижной и сакральной технологии²².

К владимирову времени могут относиться древнейшие из новгородских цилиндров – деревянных пломб с надписями (см. их своды: Янин 2001. С. 93–51; НГБ-12. С. 137–145). Для цилиндров с надписями № 6 и 7 стратиграфическая дата обозначена издателями как «последняя четверть X – первая половина XI в.», для цилиндра № 50 – 10–30-е гг. XI в. (см.: НГБ-12. С. 139–141, 145). Во всех этих случаях, как видим, цилиндры могут реально относиться ко времени уже после смерти Владимира²³. Однако всё же имеет

²² См. также выше, примеч. 18.

²³ Несколько раньше В.Л. Янин приводил такие даты: № 6 и 7 – «973–1051 гг., предположительно 973–991 гг.»; № 50 – «первая четверть XI в.» (2001. С. 95–50). Однако тяготение № 6 и 7 «к тому же мощному комплексу деревянных цилиндров XI – нач. XII в., который был обнаружен на той же усадьбе Е Троицкого раскопа в 1999 г.», делает предпочтительной более позднюю датировку (НГБ-12. С. 139; ср.: Янин 2001.

смысл задуматься над функцией этих предметов с надписями в свете сказанного в настоящей статье. Цилиндры, с одной стороны, это яркий пример использования письма в практической, повседневной сфере: в надписях указывалась, кому предназначены ценности, их количество (выраженное как кириллической цифирью, так и зарубками), место сбора и т.п. При этом на некоторых из цилиндров упоминается князь (№ 2: «княж[ь]») или имеется княжеский знак (двузубец или трезубец) (№ 1, 4, 6, 7, 11, 19, 25, 36, 43, 45). Другие упоминают княжеского представителя – емца (№ 1, 5) или мечника (№ 6, 19, 21, 30, 50), а также изображают меч – очевидно, символ мечника (№ 6, 19, 20, 30, 32, 35, 36, 40, 45) (см.: Янин 2001. С. 31–65, 93–150). Таким образом, цилиндры не просто выполняют практическую функцию (запирая мешки с ценностями и обозначая их содержимое), но зачастую посредством надписи или изображений подчеркивают, что то, что находится в мешке, принадлежит князю или его представителю. И в этом смысле они относятся отчасти к той же сфере применения письма, что и монеты, и гипотетические тексты владиминова времени, – репрезентируют князя и служат обозначением тех или иных его прав и полномочий. В то же время наличие таких же цилиндров без надписей, или только с зарубками, обозначающими количество ценностей, или только с символическими изображениями говорит о том, что использование письма в данном случае было факультативной новацией.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ИЗ «ПАМЯТИ И ПОХВАЛЫ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ»

Текст приводится по публикации А.А. Шахматова, подготовленной к печати Н.И. Милютенко (Шахматов 2014. С. 181–184). В основу этой публикации положена копия начала XIX в. древнейшего, пергаменного списка ПП, написанного в 1414 г. и сгоревшего в 1812 г. В примечаниях я отмечаю существенные разночтения с другими

С. 61). В.Л. Янин отмечает сходство княжеского знака на цилиндре № 6 с трезубцем Владимира, известным по монетам (2001. С. 90, примеч. 110). Однако С.М. Михеев атрибутирует двузубец на цилиндре № 7 Изяславу, сыну Ярослава Мудрого (2017. С. 31–32). О трезубце на цилиндре № 6 Михеев специально не пишет, но, на мой взгляд, он одинаково далек от трезубцев Владимира и Ярослава, чтобы уверенно атрибутировать его одному из них; вполне вероятно, что это тамга кого-то еще из новгородских князей XI в. (см. о княжеских знаках: Михеев 2014; 2017).

списками. Глубокую древность этих заметок признает большинство исследователей. На мой взгляд, они восходят к небольшому тексту о Владимире, составленному вскоре после освящения Десятинной церкви (995 или 996 г.), который я условно называю «царской надписью» Владимира. Более поздним добавлением является известие о смерти Владимира и о продолжительности его правления после крещения. Более чем вероятно, что данные заметки, в том виде, в каком они до нас дошли, не совсем точно соответствуют первоначальному тексту (в нём сообщалось как минимум еще о двух военных походах Владимира; иным, более логичным, мог быть порядок изложения; какие-то из церковных сентенций могли быть добавлены уже агиографом). Однако всё же эти заметки дают представление о том, как «надпись Владимира», вероятно, выглядела (см.: Гимон 2019, а также в тексте настоящей статьи).

<...> Тако же пребывающу князю Володимерю въ добрыхъ дѣлехъ, благодать Божия просвѣщаше сердце его и рука Господня помогаше ему, и побѣжаше вся врагы своя, и бояхутся его вси. Идѣже идяше, одолѣваше: радимицѣ побѣди и дань на нихъ положи, вятичи побѣди и дань на нихъ положи на обоихъ²⁴, и ятьвягы взя, и среберенныя болгары побѣди, и на козары, шедь, побѣди я²⁵ и дань на нихъ положи. Умысли же и на грѣчкыи градъ Корсунь и сиче моляшеся князь Володимерь Богу: «Господи²⁶ Владыко всихъ, сего у тебе прошю: даси ми градъ, да прииму и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю, и да научать люди закону крестьянскому». И послуша Богъ молитвы его; и прия градъ Корсунь, и взя²⁷ съсуды церковныя, и иконы и мощи святаго священномученика Климента и иныхъ святыхъ. И въ ты дни бѣаста цесаря два въ Цесариградѣ, Костянтинъ и Василѣи, и посла къ нимъ Володимерь, прося у нихъ сестры оженити ся, да ся бы болма на крестьянскыи законъ направилъ. И даста ему сестру свою, и дары многы присласта к нему, и мощи святыхъ даста ему. <...>²⁸

По святомъ же крещеньи пожи[ве]²⁹ блаженны князь Володимерь 28 лѣтъ. На другое лѣто по крещеньи к порогомъ ходи, на третее Корсунь городъ взя, на четвертое лѣто церковь камену святыя

²⁴ «На обоихъ» нет в ряде списков, но во всех трех списках XV в. эти слова присутствуют.

²⁵ Пассажа о хазарах нет в двух поздних списках.

²⁶ В списках 1470-х гг. и 1494 г.: Господи Боже.

²⁷ В списке 1494 г.: вся.

²⁸ Здесь мною опущен фрагмент текста, который, как показывает Н.И. Милютенко, в том числе и кодикологически, является вставкой (см.: Шахматов 2014. С. 67–68).

²⁹ В квадратных скобках – из списка 1494 г.

Богородица заложит, а на пятое лѣто Переяславль заложит; въ девятое лѣто десятину блаженный христоролюбивый князь Володимиръ вѣда церкви святѣи Богородицѣ от имѣнья своего. О томъ бо и самъ Господь рече: «Идѣже естъ скровище ваше, ту и сердце ваше будетъ»³⁰. Блаженный князь Володимиръ имяше скровище свое на небесѣхъ, съкрывъ милостынею и добрыми своими дѣлы, тамо и сердце его бѣ въ царствѣи небеснѣмъ.

И Богъ поможе ему, и сѣде въ Киевѣ на мѣстѣ отца своего Святъслава и деда своего Игоря. А Святъслава князя печенѣзѣ убиша, а Ярополкъ сѣдѣше въ Киевѣ на мѣстѣ отца своего Святъслава; и Олегъ идый с вой у Вруча града, мость ся обломи с вой, и удавиша Олга въ гребли, а Ярополка убиша въ Киевѣ мужи Володимировѣ. И сѣде въ Киевѣ князь Володимиръ въ-смое лѣто по смерти отца своего Святъслава, мѣсяца июня в 11, въ лѣто 6486. Крести же ся князь Володимиръ въ 10-е лѣто по убьенѣи брата своего Ярополка. Каяшеса и плакашется блаженный князь Володимиръ всего того, елико створи в поганьствѣ, не зная Бога. Познавъ же Бога истиннаго, творча небесѣ и земли, покаяся всего и отвержеса дьявола и бѣсовъ, и всея службы его, и послужи Богу добрыми дѣлы своими и милостынею. Успе съ миромъ мѣсяца июля в 15 день, въ лѣто 6523, о Христѣ Исусѣ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнян Н.В.* Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван, 2001.
- Бахрушин С.В.* [К вопросу о достоверности Начального свода] // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1987. С. 15–35.
- Беляев Д.Д.* Зарождение историописания в древней Мезоамерике // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 203–240.
- Беляев Д.Д., Гимон Т.В.* Предисловие // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 5–24.
- Бешевлиев В.* Пръвобългарски надписи (второ преработено и допълнено издание). София, 1992.
- Гайдуков П.Г., Калинин В.А.* Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 403–436.
- Гайдуков П.Г., Янин В.Л.* Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2006 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология (Мат-лы науч. конф.), Новгород, 23–25 января 2007 г. В. Новгород, 2007. С. 138–164.

³⁰ Мф. 6:21; Лк. 12:34.

- Гимон Т.В.* События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 584–703.
- Гимон Т.В.* К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 748–800. (а)
- Гимон Т.В.* Развитие деловой письменности в Новгороде в XI–XIV вв. // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 72–78. (б)
- Гимон Т.В.* Устная традиция о событиях XI в. в средневековом Новгороде // ДГ, 2016 год: Памяти Г.В. Глазыриной. М., 2018. С. 157–183. (а)
- Гимон Т.В.* Предки-язычники в раннем историописании Англии и Руси // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. М., 2018. № 3 (36). Ч. 2: Arbor mundi = Мировое древо; вып. 25. С. 248–263. (б)
- Гимон Т.В.* Исторические заметки из «Памяти и похвалы» Иакова Мниха и зарождение древнерусского историописания // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: юбилейный сб. в честь А.В. Назаренко. М., 2019. С. 73–89 (в печати).
- Гитиуц А.А.* Рекоша дружина Игоревы...: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // RL. 2001. Vol. 25. P. 147–181.
- Гитиуц А.А.* Социокультурная динамика письма в Древней Руси (О книге: *Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus*, с. 950-1300. Cambridge, 2002) // РЯНО. 2004. № 1 (7). С. 171–194.
- Гитиуц А.А.* Рекоша дружина Игоревы... – 3: Ответ О.Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2009. Vol. 17, no. 2. P. 248–287.
- Гринёв Н.Н.* Краткая редакция Русской Правды как источник по истории Новгорода XI в. // НИС. 1989. Вып. 3 (13). С. 20–42.
- Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 586–617.
- Живов В.М.* История языка русской письменности. М., 2017. Т. 1–2.
- Зимин А.А.* Правда Русская. М., 1999.
- Иванов Вяч.Вс.* Типология автобиографического поучения царя как жанра // Славяноведение. 2004. № 2. С. 69–79.
- Иванов С.А.* Болгарская общественная мысль эпохи раннего Средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 2009. С. 9–30.
- Истрин В.М.* Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). [2-е изд.] М., 2003.
- Лихачёв Д.С.* Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы // ВИ. 1951. № 12. С. 30–54.
- Лихачёв Д.С.* Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952.

- Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. М., 2000.
- Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации: Тексты, перевод, комментарий. М., 2001.
- Мельникова Е.А.* Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // Историческая память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 180–222.
- Мельникова Е.А.* Письменность без государства и государство без письменности: Германское руническое письмо во II–XV вв. н.э. // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 178–185.
- Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие письменные источники. СПб., 2008.
- Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
- Михеев С.М.* Надпись на каменном кресте из Воймериц на реке Мсте – памятник начальной истории древнерусской письменности // ВЭ. М., 2012. Вып. 6. С. 7–30.
- Михеев С.М.* К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // ДРВМ. 2014. № 4 (58). С. 45–63.
- Михеев С.М.* Княжеские печати с тамгами и атрибуция знаков Рюриковичей XI–XII вв. // ДРВМ. 2017. № 4 (70). С. 17–41.
- Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.
- Назаренко А.В.* Крещение св. Владимира в устной и письменной традиции древнейшей поры (XI в.) // ВЕДС-XII: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 42–48.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.
- Назаренко А.В.* Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 593–654.
- Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века: очерки и исследования. М., 1969.
- Никольский С.Л.* «Древнейшая правда» Ярослава: дружинное право в становлении государственного законодательства // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 55–67.
- Петров А.В.* От язычества к святой Руси: Новгородские уособицы: К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003.
- Польвянный Д.И.* Культурная идентичность, историческое сознание и книжное наследие средневековой Болгарии. М.; СПб., 2018.
- Рождественская Т.В.* О надписи на Воймерицком кресте // Висы дружбы: сб. ст. в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 382–390.

- Сотникова М.П.* Древнейшие русские монеты. Каталог и исследование. М., 1995.
- Сотникова М.П.* Печать Ярослава Мудрого (1019–1025) // Сфрагистический меридиан: Київ – Корсунь/Херсон – Κωνσταντινούπολις, Киев, 13–16 сентября 2013 г. Київ; Севастополь, 2013. С. 70–72.
- Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983.
- Тихомиров М.Н.* Начало славянской письменности и Древняя Русь // *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 185–194.
- Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010.
- Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В.* О социальных основах развития письменности и грамотности в Древней Руси // Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995. С. 114–127.
- Черепнин Л.В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 293–333. (а)
- Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XVI вв. М., 1948. Т. 1. (б)
- Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.
- Янин В.Л.* У истоков новгородской государственности. В. Новгород, 2001.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг.
- Шахматов А.А.* Жития князя Владимира: Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. / подгот. текста Н.И. Милютенко. СПб., 2014.
- Androshchuk F.* Images of Power: Byzantium and Nordic Coinage, с. 995–1035. Kyiv; P., 2016.
- Barnes M.P.* Runes: A Handbook. Woodbridge, 2012.
- Chaplais P.* Who Introduced Charters into England? The Case for Augustine // *Prisca Munimenta: Studies in archival & administrative history presented to Dr A.E.J. Hollaender.* L., 1973. P. 88–107.
- Cooper J.S.* Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions. New Haven (Co.), 1986. Vol. 1: Presargonic inscriptions.
- Gippius A.* Birchbark Literacy and the Rise of Written Communication in Early Rus' // *Epigraphic Literacy and Christian Identity: Modes of Written Discourse in the Newly Christian European North.* Turnhout, 2012. P. 225–250.
- Gräslund A.-S., Lager L.* Runestones and the Christian Missions // *The Viking World.* Abingdon, 2008. P. 629–638.
- Łowmiański H.* [Rec. на ks.:] *Лухачёв Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947 // *Przegląd Historyczny.* Warszawa, 1948. Т. 38. S. 279–288.
- Michalowski P.* Early Mesopotamia // *The Oxford History of Historical Writing.* Oxford, 2011. Vol. 1. P. 5–28.

Timofey V. Guimon

PRINCE VLADIMIR AND WRITING

There has been a long-standing discussion concerning the origin of writing in Rus: whether its spread had been caused by the introduction of Christianity, or by some inner needs of the society such as trade, administration, self-government, or the like. The question seems to have been convincingly resolved by Alexey Gippius: the first impulse for writing was indeed the conversion and the needs of the church, but relatively soon this technology started to be used for practical purposes (such as writing letters or making business notes), first, by clergy, and later by laymen. However, there is a number of early Rus written texts which do not belong to neither of those two domains (liturgy and everyday practical needs): the annals, most of graffiti, etc.

It is argued in this paper, that already in the time of St Vladimir, the Prince of Kiev (978–1015) who baptized Rus in 987 or 988, writing started to be used for the representation of the ruler: as a sacred and prestigious mean of showing the ruler's greatness, achievements, and piety. This function of writing (which was second after the liturgical one, but quite probably pre-dated the practical, everyday usages of writing) can be traced in Vladimir's coinage (in which the visual presentation of the prince and the inscription about him were certainly more important than any economic role those coins could play), probably in his seals (no seals of Vladimir are found, however, those of his successors Svyatopolk and Yaroslav must go back to Vladimir's example), in his charter to the Desyatinnaya Church of Kiev (the charter is mentioned in the *Primary Chronicle*, and, according to Yaroslav Shchapov, can be reconstructed from the text of later legal code known as *Vladimir's Statute*), and, finally, in Jacob the Monk's *Memory and Encomium (Pamyat' i pokhvala) for Prince Vladimir*, a piece of hagiography which incorporates very archaic notes on Vladimir's deeds. According to the author's hypothesis those notes go back to a short text describing the deeds of Vladimir and composed soon after 995 or 996. It is possible to label this text Vladimir's *royal inscription* (not necessarily on stone, quite probably in a Gospel-book or the like), and so to compare it to the inscriptions commemorating the deeds of rulers of many states of Ancient East, as well as (a closer analogy) of the First Bulgarian Empire, and to some early Norse runestones. In general, one can assume that, after the conversion, Vladimir appreciated writing as a prestigious technology for glorifying ruler and showing his piety – perhaps in one row with the building of churches, the striking of coins, and so on.

It can be shown that Vladimir's successors followed some of Vladimir's usages of writing. Firstly, they minted coins and had seals. Secondly, Yaroslav was

long remembered to have issued a charter to the city of Novgorod – exactly as Vladimir was remembered for his charter to the Desyatinnaya Church.

Also, it is argued in the paper, that the annalistic notes of the *Primary Chronicle* for 1000–1011 (probably going back to an annalistic continuation of Vladimir's 'royal inscription'), which are dedicated to deaths of Vladimir's relatives, can be paralleled to necrological inscriptions of the rulers of the First Bulgarian Empire, in which the khans announced the deaths of their most powerful subjects. Together with the inscriptions commemorating military and building achievements of the khans, those form a good analogy to the hypothetical Vladimir's 'royal inscription' with its annalistic continuation.

Finally, the question of writing around the year 1000 outside the princely court is raised. None of the earliest examples of such writing (personal names inscribed on portable objects, and wooden cylinder seals with inscriptions) can be dated so precisely as to be sure that the inscription was made in Vladimir's time, and not later. However, the circle of functions of those early inscriptions can be paralleled to that of princely texts mentioned above.

Keywords: writing, Old Rus, St Vladimir, coins, seals, annals, charters, royal inscriptions, comparative studies